

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 327

Российские дипломаты-китаисты в конце XIX — начале XX в.: подготовка, квалификация и кадровая политика Министерства иностранных дел**Н. А. Самойлов, А. М. Харитонова*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Самойлов Н. А., Харитонова А. М.* Российские дипломаты-китаисты в конце XIX — начале XX в.: подготовка, квалификация и кадровая политика Министерства иностранных дел // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. Вып. 3. С. 518–531. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.301>

Статья посвящена изучению деятельности российских дипломатов-китаистов в конце XIX — начале XX в. Основное внимание уделено уровню их квалификации, специфике подготовки и тем учебным заведениям Российской империи, которые готовили соответствующие кадры. Отдельно рассматриваются кадровая политика российского Министерства иностранных дел и система отбора квалифицированных востоковедов, владевших китайским и другими восточными языками, для работы в соответствующих странах. Научное изучение среды, в которой воспитывались и готовились дипломаты в Российской империи, также является важной задачей в рамках заявленной исследовательской темы. Анализ системы воспитания и подготовки дипломатов в Российской империи дает возможность выявить те установки, с которыми молодые дипломаты приступали к службе и в соответствии с которыми они совершенствовали свои профессиональные навыки. В рассматриваемый период важнейшим центром подготовки высококвалифицированных китаеведов становится Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, основанный в 1854 г. указом императора Николая I, где молодые люди не только овладевали китайским языком, но и углубленно изучали историю, литературу, культуру, религии и современное положение цинского Китая. Заслуга профессоров и преподавателей данного факультета состоит в том, что в то время они готовили как ученых-синологов, так и китаистов-практиков, в том числе будущих сотрудников российских дипломатических учреждений в Китае. В статье приводятся примеры того, какими путями

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX в.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858>.

происходило становление настоящих дипломатов-китаистов, сыгравших важную роль в развитии российско-китайских отношений.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Министерство иностранных дел, дипломаты-китаисты, Цинская империя, Санкт-Петербургский университет, Факультет восточных языков.

*Посвящается 300-летию
Санкт-Петербургского государственного университета
и 170-летию Восточного факультета СПбГУ*

Введение

После подписания в 1860 г. Пекинского договора наступил период оформления дипломатических отношений между Россией и Цинской империей, ознаменованный большим количеством соглашений, каждому из которых предшествовала тщательная дипломатическая подготовка, а после подписания в 1881 г. Санкт-Петербургского договора российско-китайские отношения вступили в новую фазу своего развития. В основном было завершено пограничное размежевание между двумя странами, российское правительство перешло к активной внешней политике в Восточной Азии. В России нарастали дискуссии относительно возможных путей развития российского Дальнего Востока и его места в системе международных отношений.

В этом контексте изучение особенностей российской дипломатической службы в Китае, безусловно, значимо и актуально как с академической, так и с практической точек зрения. Дипломатическая работа в Китае конца правления династии Цин в условиях социокультурной трансформации китайского общества и постепенного перехода его в новое историческое качество требовала наличия в этой стране высококвалифицированных кадров, хорошо ориентирующихся в сложившейся обстановке. Насколько адекватно российские дипломаты воспринимали китайскую действительность того времени и как они реагировали на внутренние процессы, происходившие в Цинской империи в условиях экономической, политической и культурной трансформации китайского общества, как они использовали свои знания в повседневной работе и перспективном прогнозировании, безусловно, зависело от уровня их профессиональной подготовки (владения китайским языком и понимания специфики страны пребывания).

Российские дипломаты в Китае: кто они?

Начало деятельности постоянного дипломатического представительства России в Китае относится к февралю 1861 г., когда Л. Ф. Баллюзек, первый официально аккредитованный российский посланник¹, стал министром-резидентом при цинском дворе.

¹ Лев Федорович Баллюзек (1822–1879) — российский военный и государственный деятель. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Был участником миссий Е. В. Путятина и Н. П. Игнатьева при подписании русско-китайских Тяньцзиньского и Пекинского договоров. На посту министра-резидента в Пекине вместе с американским посланником Ансоном Бурлингемом настаивал на политике невмешательства европейских держав в дела Китая и признании за Цинской империей права на равное участие в международных вопросах, занимался поставками российского

С этого времени начинается многолетняя история пребывания в Китае российских представителей, сотрудники которых осуществляли кропотливую работу по обеспечению многосторонних связей между Россией и империей Цин. Среди них было немало талантливых профессионалов, беззаветно преданных своей работе и Отечеству.

Российских дипломатов, служивших в Китае во второй половине XIX — начале XX в., можно разделить на три группы.

Первую из них составляли, используя современную терминологию, «карьерные» дипломаты — выпускники привилегированных учебных заведений, обеспечивавших Министерство иностранных дел хорошо подготовленными кадрами, в основном из знатных семейств. В этом плане в то время особенно выделялся Императорский Александровский (до 1844 г. — Царскосельский) лицей, многие из воспитанников которого поступали на службу в МИД начиная с первого выпуска, когда шесть человек, включая будущего министра иностранных дел и канцлера Российской империи А. М. Горчакова, будущего декабриста В. К. Кюхельбекера и великого поэта А. С. Пушкина, были приняты на службу в Коллегию иностранных дел (предшественницу Министерства). В дальнейшем многие питомцы Александровского лицея стали видными российскими дипломатами и внесли свой вклад в развитие внешней политики России. Следует отметить, что пятеро из его выпускников (А. М. Горчаков, Н. К. Гирс, А. Б. Лобанов-Ростовский, А. П. Извольский и С. Д. Сазонов) стали министрами иностранных дел Российской империи. Из числа посланников России в Китае этот лицей окончили: Е. К. Бюцов, А. П. Кассини [1], И. Я. Коростовец [2], В. Н. Крупенский. «Карьерными» дипломатами становились и выпускники другого престижного придворного учебного заведения — Пажеского корпуса (например, посланник в Китае в 1898–1901 гг. М. Н. Гирс [3]).

Ко второй группе можно отнести выпускников военных учебных заведений, кадровых военных (российские посланники в Пекине: Л. Ф. Баллюзек, А. Г. Влангали, А. И. Павлов).

Министерство иностранных дел традиционно отдавало предпочтение представителям аристократических слоев общества и военным, потому что, по представлениям руководства МИД, это имело значение для повышения престижа в монархической Европе. Тем не менее к концу XIX в. привлекательность дипломатической службы для дворянской молодежи стала падать и кадровый состав МИД начал активно обновляться за счет разночинцев. Во многом именно по этой причине на рубеже XIX и XX вв. появилась и стала количественно увеличиваться еще одна категория российских дипломатических работников в странах Востока — выпускники появившихся в то время в России востоковедных учебных заведений, получившие качественную языковую и страноведческую подготовку.

Создание Факультета восточных языков и его историческое значение

22 октября (3 ноября) 1854 г. указом императора Николая I в Санкт-Петербургском университете был учрежден Факультет восточных языков (ФВЯ). Это был поистине исторический шаг, способствовавший развитию российского академи-

оружия для Китая. В дальнейшем служил в Оренбурге, занимая ряд ответственных постов. В 1869–1877 гг. был военным губернатором Тургайской области.

ческого и практического востоковедения. Факультет был создан на завершающем этапе Крымской войны, когда многие в России поняли, что без знания восточных языков и глубокого понимания стран и народов Востока российской дипломатии невозможно вести там дела. Выдающийся востоковед-историк профессор В. В. Григорьев писал по этому поводу следующее: «...устроилось в Петербургском университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно было возникнуть» [4, с. 125].

На первом этапе существования факультета важнейшими задачами стали выбор основных учебных дисциплин, составление учебных программ, определение экзаменационных требований и подготовка учебных пособий. Важным аспектом организационной деятельности факультета также стала целенаправленная закупка книг и рукописей, в том числе непосредственно в странах Востока.

Создание Факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете было поистине историческим событием, определившим характер развития востоковедения в России на многие годы, что было по достоинству оценено многими современниками.

В 1855 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» была опубликована статья, в которой говорилось, что по объему программы востоковедческих дисциплин Восточный факультет в Петербурге существенно превосходит аналогичное учебное заведение во Франции, основанное Наполеоном I, — *École spéciale des langues orientales vivantes*. В этой статье приводятся слова профессора И. Н. Березина о том, что «такой обширный факультет, каков С.-Петербургский Восточный, может смело выдержать сравнение с любым европейским заведением подобного рода» [5, с. 55].

С начала своего существования Факультет восточных языков планомерно и целенаправленно готовил квалифицированных востоковедов, способных применить полученные знания как в науке, так и в практических сферах. Многие из его выпускников нашли себе применение на дипломатическом поприще и служили в российских посольствах, миссиях и представительствах, способствуя укреплению связей России со странами Востока. Первый декан Восточного факультета профессор А. К. Казем-Бек, активный сторонник усиления практического уклона в подготовке востоковедов, в этой связи писал в 1857 г.: «Назначение нашего факультета чисто практическое, непосредственно применяемое к делу, именно — приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим...» [6, с. 392].

А. К. Казем-Бек и его последователи уделяли очень большое внимание тому, чтобы студенты факультета не только получали глубокие знания в области классического востоковедения, но и хорошо понимали современное положение в изучаемых странах.

Создание крупного востоковедного центра в столице империи повлекло за собой прекращение преподавания восточных языков в Казанском университете и переезд большого количества профессоров, преподавателей и студентов в новый центр востоковедения. Большую работу по подготовке китаистов (ученых и практиков) на протяжении многих лет вели В. П. Васильев, Д. А. Пещуров, С. М. Георгиевский, А. О. Ивановский и др.

К преподавательской работе привлекали и бывших сотрудников Министерства иностранных дел. Например, в 1868 г. по представлению В. П. Васильева на

должность преподавателя маньчжурского языка с окладом штатного доцента был избран И. И. Захаров — бывший драгоман МИД. Он продолжал преподавать на факультете вплоть до своей кончины в 1885 г.

Начиная с самых первых выпусков ФВЯ всегда находились молодые люди, избиравшие дипломатическую карьеру и достигавшие больших успехов на данном поприще. Для Китая этот отсчет следует начинать с Карла Ивановича Вебера (1841–1910), который в 1865 г. окончил ФВЯ и поступил на дипломатическую службу. С 1876 г. К. И. Вебер служил консулом в Тяньцзине, а с ноября 1882 г. по октябрь 1883 г. исполнял обязанности посланника в Китае. И хотя основная часть его дипломатической карьеры и пришедшая к нему слава связаны прежде всего с Кореей, мы по праву можем считать его первым питомцем Петербургского университета, внесшим свой вклад в развитие отношений России с Китаем.

После К. И. Вебера многие выпускники Петербургского университета работали на ответственных дипломатических постах в Китае. Можно вспомнить следующие имена: Г. А. Плансон [7] — поверенный в делах России в Китае в 1902–1903 гг., в дальнейшем — российский посланник в Сиаме, закончивший два факультета университета: восточный и юридический; Г. А. Козаков — первый секретарь и на короткое время поверенный в делах России в Китае в 1904–1905 гг., в дальнейшем — начальник Дальневосточного отдела МИД и кандидат на пост посланника в Китае после Февральской революции; В. Ф. Гроссе — генеральный консул в Шанхае в 1911–1924 гг.; С. А. Колоколов [8] — генеральный консул в Кашгаре (1904–1909) и Мукдене (1910–1920); А. Т. Бельченко [9] — консул в Фучжоу (с 1910 г.) и Кантоне (1913–1914), генеральный консул в Ханькоу (1915–1920); В. Ф. Люба — генеральный консул в Харбине в 1907–1909 гг.; П. Г. Тидеман — консул в Чифу в тяжелейшие годы Русско-японской войны (1904–1905), а затем — генеральный консул в Тяньцзине и многие другие.

Однако даже в этом блестящем ряду дипломатов-китаеведов особо выделяется Дмитрий Дмитриевич Покотилев (1865–1908), служивший чрезвычайным и полномочным посланником в Китае с 1905 по 1908 г. После окончания университета он поступил на службу в МИД и был командирован в Китай. Затем перешел на работу в Министерство финансов, став одним из ближайших сотрудников С. Ю. Витте. Когда в 1895 г. был учрежден Русско-Китайский банк, главной задачей которого стало финансирование строительства КВЖД, Покотилев был назначен директором его Пекинского отделения, а с января 1897 г. продолжил службу в должности официального агента Министерства финансов в Китае, принимал участие в переговорах о статусе КВЖД и Порт-Артура. После смерти российского посланника в Пекине П. М. Лессара в 1905 г. он занял этот пост и оставался на нем вплоть до своей кончины в 1908 г.

Д. Д. Покотилев был личностью поистине незаурядной. В дни, последовавшие за его скоропостижной кончиной, российская пресса была единодушна в том, что это был «человек большого ума и энергии», который «прекрасно знал ту страну, в которой он являлся официальным представителем России» [10, с. 216]. Профессор В. Л. Котвич, который сам в то время совмещал преподавание монгольского и других восточных языков на Восточном факультете со службой в Министерстве финансов, писал о нем: «По окончании в 1887 г. полного курса перед Д. Д. Покотилевым, как и перед большинством других питомцев Факультета восточных языков, открылись две дороги — дипломатическая и ученая. Он сделал попытку совместить эти два направления... Покотилев обладал большим умением привлекать

к себе китайских чиновников и умел улаживать часто самые щекотливые вопросы. Особыми симпатиями он пользовался у покойного Ли Хунчжана. Когда открылась вакансия посланника в Пекине, выдающиеся качества этого кандидата побудили Ламздорфа пренебречь установившимися в МИД традициями и доверить важный пост представителя России в Пекине бывшему директору банка» [11].

Д. Д. Покотилов являлся примером того, что только человек, в совершенстве владеющий китайским языком и прекрасно знающий эту страну, способен достойно служить на дипломатическом поприще в Китае, и именно такие кадры в то время готовил Санкт-Петербургский университет.

Можно целиком согласиться с той оценкой, которую дал Покотилу известный исследователь истории отечественного востоковедения А. Н. Хохлов: «В истории Российской дипломатической миссии в Пекине, начиная с Л. Ф. Баллюэка, первого министра-резидента в китайской столице с 1861 г., и кончая посланником Н. А. Кудашевым, при котором китайские власти в 1920 г. закрыли дипломатическое представительство царской России, не было столь даровитой и уникальной фигуры в ранге полномочного и чрезвычайного посланника, какой можно с полным основанием считать Дмитрия Дмитриевича Покотилова (1865–1908). Он был единственным русским дипломатом, отлично говорившим по-китайски и владевшим китайской письменностью позднего Средневековья и новой истории, особенно периода правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.)» [12, с. 36].

Дипломаты, закончившие ФВЯ Санкт-Петербургского университета, знавшие восточные языки и хорошо ориентировавшиеся в стране пребывания, выигрышно отличались от тех, кто этими языками не владел и во многом случайно оказывался на службе в Китае или иной восточной стране, порой тяготясь выпавшей на их долю работой.

Министр финансов С. Ю. Витте, хорошо понимавший необходимость развития отношений России со странами Дальнего Востока и важность подготовки для этой деятельности дипломатов с востоковедным образованием, писал в своих мемуарах: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды. Только что назначенный министром иностранных дел князь Лобанов-Ростовский тоже не имел никакого понятия о делах Дальнего Востока. Если бы его в то время спросить: что такое Маньчжурия? где Мукден? где Гирич? — то его знания оказались бы знаниями гимназиста второго класса. Впрочем, это надо сказать не про одного Лобанова-Ростовского, а про большинство государственных деятелей» [13, с. 44]. По этой причине Витте привлекал на работу в свое министерство профессиональных востоковедов и направлял их в государства Восточной Азии для изучения на месте политической и экономической ситуации.

Однако было бы неверно полагать, что все российские дипломаты, которые служили в то время в Китае, но не имели специального китаеведного образования, вовсе не разбирались в дальневосточных делах. Часто те из них, кто имел большой опыт дипломатической службы, могли достаточно быстро сориентироваться в ситуации, складывавшейся в Китае и сопредельных странах, и принимали взвешенные и продуманные решения. В этой связи стоит вспомнить имена А. П. Кассини

[1] и П. М. Лессара [14], которые возглавляли российскую дипломатическую миссию в Китае в сложные периоды развития этой страны и осложнения международной обстановки в Восточной Азии (первый — в годы японо-китайской войны, а второй — в период между «Боксерским восстанием» и русско-японской войной), и в еще большей степени И. Я. Коростовца [2], который, работая дипломатом в Китае, настолько углубился в изучение этой страны, что написал целый ряд серьезных научных трудов о ней. Однако именно он признавал, что без помощи и консультаций квалифицированных китаистов ни один посланник не смог бы эффективно осуществлять свою деятельность в этой стране.

В своих мемуарах И. Я. Коростовец вспоминал, что вскоре после визита наследника-цесаревича в Пекин туда прибыл новый российский посланник — граф А. П. Кассини². И. Я. Коростовец отнесся к этому высокопоставленному кадровому дипломату весьма критично и в своих воспоминаниях писал, что «Кассини принадлежал к числу тех иностранцев, которые делались русскими дипломатами по протекции Двора или кого-либо из высших сановников... Умный, хитрый и вкрадчивый, он не лишен был известного макиавеллизма и в былые времена пользовался, вероятно, большим успехом» [I, л. 56]. Особое неприятие у И. Я. Коростовца вызывало то, что посланник слабо знал страну пребывания. В своих мемуарах И. Я. Коростовец писал, что Кассини «имел весьма смутное представление о географии Китая и об исторических связях России с этой империей. Китай был для него туманным пятном, а китайские сановники казались людьми с другой планеты» [I, л. 56]. Ситуацию, по мнению И. Я. Коростовца, спасало лишь то, что посланнику активно помогал опытный сотрудник посольства А. И. Павлов, который мог дать справку по любому вопросу, а общение с китайцами и все важные переговоры принял на себя замечательный китаевед П. С. Попов³, «представлявший целый кладезь китайской премудрости и языка» [I, л. 56].

И. Я. Коростовец отмечал, что А. П. Кассини посещал Цзунли ямэнь (учреждение, выполнявшее в тот период функции министерства иностранных дел Цинской империи) очень редко, в основном для личных переговоров с великим князем Цинном⁴, довольствуясь «разговорами общего характера» и уверениями со стороны китайцев в «двухсотлетней дружбе соседних империй», а все текущие дела решались драгоманами миссии, то есть профессиональными китаистами. Ключевую роль в этих контактах с цинскими чиновниками всегда играл П. С. Попов, прекрасный владевший китайским и маньчжурским языками.

Известный российский дипломат Д. И. Абрикосов (1876–1951), на протяжении многих лет находившийся на дипломатической службе в странах Дальнего Востока,

² Артур Павлович Кассини (1835–1919) — потомственный дипломат (его дед, дворянин итальянского происхождения, был принят на русскую дипломатическую службу, отец также был дипломатом). В 1854 г. окончил Александровский лицей. В 1888 г. был назначен резидентом при Ганзейских вольных городах в Гамбурге. В 1891–1896 гг. — посланник в Китае, в 1897–1904 гг. — посол в США, в 1905–1909 гг. — посол в Испании.

³ Павел Степанович Попов (1842–1913) — российский дипломат и китаевед, старший драгоман дипломатической миссии и генеральный консул в Пекине. В 1870 г. окончил ФВЯ Петербургского университета. В 1888 г. подготовил для публикации и издал в Пекине «Китайско-русский словарь», начатый архимандритом Палладием (Кафаровым), за что получил звание члена-корреспондента Императорской академии наук. Выйдя в отставку, с 1902 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете, занимался научной работой, переводил сочинения древнекитайских мыслителей.

⁴ Икуан, великий князь Цин (1838–1917) — крупный маньчжурский сановник, правнук императора Цяньлуна. В марте 1884 г. был назначен руководителем Цзунли ямэня.

в своих мемуарах отмечал колоссальную роль переводчиков и владевших восточными языками дипломатов, без которых было невозможно решить ни одной сложной проблемы. «Немногие из китайцев говорили на каком-либо иностранном языке, и поэтому все общение с чиновниками из Министерства иностранных дел происходило на китайском, — вспоминал Абрикосов, — и это обстоятельство очень повышало значение переводчика... В первый раз присутствуя на переговорах с китайцами, я понял, что наш посланник⁵ абсолютно беспомощен и все зависит от переводчика. Переводчиком, как правило, бывал человек, посвятивший всю свою жизнь изучению китайского языка, и, в отличие от других членов миссии, которые приезжали на три-четыре года, обычно имел постоянную аккредитацию... Каждый новый посланник оказывался в полной зависимости у переводчика, который мог легко, особенно если ему не нравился начальник, поставить его в очень затруднительное положение. Поэтому посланнику следовало быть очень осторожным в своих отношениях с переводчиком... Переводчик в нашей миссии был сложным человеком. Его знание китайского, как говорили сами китайцы, было прекрасным⁶, но, проведя в Китае почти 30 лет, он приобрел отчасти китайский образ мыслей и любил затягивать переговоры, считая, что спешка только мешает достичь приемлемого результата» [16, с. 201].

Изменение кадровой политики Министерства иностранных дел

Во второй половине XIX в. дальневосточный вектор внешней политики Российской империи становится очень важным из-за изменения расстановки сил в этом регионе (усиление английского, французского и немецкого влияния в Цинской империи; политическое и экономическое ослабление Китая; стремительный рост военно-политической мощи Японии). Данные обстоятельства обусловили необходимость усиления российского присутствия на Дальнем Востоке, и, как следствие, возникла потребность в увеличении количества, а также в улучшении качества дипломатических кадров, представлявших интересы России в странах Восточной Азии. Качественная подготовка востоковедов-дипломатов в это время становится как никогда актуальной. Об этом говорил директор Восточного института во Владивостоке профессор А. М. Позднеев (1851–1920), подчеркивавший, что «многие наши консулы и военные агенты» были «весьма мало или даже вовсе незнакомыми с языком и бытом хотя бы, например, Китая...» [17, с. 18].

Постоянное увеличение количества российских дипломатических представительств в странах Востока и необходимость пополнения их новыми кадрами, формирование учебных заведений, готовивших профессиональных востоковедов (помимо ФВЯ Санкт-Петербургского университета, можно назвать Лазаревский институт восточных языков в Москве и несколько специализированных учреждений при МИДе), — все это способствовало развитию профессионального образования,

⁵ Василий Николаевич Крупенский (1869–1945) — камергер, действительный статский советник. Окончил Александровский лицей с золотой медалью. Посланник в Китае в 1913–1916 гг. В 1916 г. был назначен послом в Японию.

⁶ Здесь речь идет о Николае Федоровиче Колесове. Н. Ф. Колесов (1867–1925) — выпускник ФВЯ Санкт-Петербургского университета (1890). С 1891 г. находился в Китае: студент при дипломатической миссии (1891–1896), 2-й драгоман (1897–1902), 1-й драгоман и генеральный консул (1902–1917). Воспитал целую плеяду блестящих дипломатов-китаистов: А. Т. Бельченко, Х. П. Кристи, И. С. Бруннерт, В. В. Гагельстром и др., редактировал их научные труды [15].

необходимого для дипломатической деятельности, а также постепенному повышению качества подготовки.

Для выявления учебных заведений, выпускники которых в то время становились дипломатами, можно обратиться к спискам экзаменуемых чиновников Министерства иностранных дел. Два таких списка за 1893 г. хранятся в личном фонде российского дипломата, выпускника Санкт-Петербургского университета, востоковеда Г. А. Плансона в ГАРФ. В них представлены чиновники МИД с указанием места получения образования, текущего места службы и вероисповедания.

Первый список [II, л. 1–4]:

№	ФИО	Образование
1	Колоколов Сергей Александрович	Санкт-Петербургский университет
2	Бодиско Александр Константинович	Пажеский корпус
3	Буткевич Евгений Адольфович	Училище правоведения
4	Николаев Владимир Владимирович	Санкт-Петербургский университет
5	Обнорский Николай Александрович	Санкт-Петербургский университет
6	Субботин Николай Николаевич	Санкт-Петербургский университет
7	Кохманский Николай Венцеславович	Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при Первом департаменте
8	Савинов Алексей Сергеевич	Санкт-Петербургский университет, Учебное отделение восточных языков при Первом департаменте
9	Зуев Сергей Лаврентьевич	Лазаревский институт восточных языков, Учебное отделение восточных языков при Первом департаменте
10	Эльтеков Николай Кузьмич	Санкт-Петербургский университет
11	Мещерский Дмитрий Викторович	Санкт-Петербургский университет
12	Наранович Арсений Андреевич	Санкт-Петербургский университет
13	Катаржи Георгий Иванович	Юрьевский университет
14	Батурин Дмитрий Александрович	Веймарская реальная гимназия
15	Вилистер Юлий Гаспарович	Санкт-Петербургский университет
16	Лавров Евгений Петрович	Ротмейстер, адъютант штаба Его Императорского Высочества генерала-инспектора кавалерии
17	Чемерзин Борис Александрович	Пажеский корпус

Второй список [II, л. 5–8]:

№	ФИО	Образование
1	Тебенков Владимир	Отставной флота капитан 2-го ранга
2	Алябьев Александр Александрович	Санкт-Петербургский университет
3	Мясоедов Александр Николаевич	Александровский лицей
4	Евреинов Александр Николаевич	Александровский лицей
5	Барвинский Евгений Михайлович	Императорский университет Св. Владимира
6	Овсенко Гавриил Владимирович	Лазаревский институт Восточных языков

7	Тухолка Сергей Владимирович	Санкт-Петербургский университет, Учебное отделение восточных языков
8	Хрулев Дмитрий Сергеевич	Училище правоведения
9	Святополк-Мирский Михаил Николаевич	Новочеркасская классическая гимназия
10	Плен Иван Михайлович	Морской кадетский корпус
11	Радзивилл Михаил Фердинандович	Юрьевский университет
12	Анненков Павел Павлович	Императорский Новороссийский университет
13	Богоявленский Павел Георгиевич	Санкт-Петербургский университет
14	Гроссе Федор Лаврентьевич	Училище правоведения
15	Веневитинов Алексей Владимирович	Александровский лицей
16	Адамович Петр Леонидович	Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, Земледельческая школа в Монпелье
17	Долбежев Владимир Васильевич	Санкт-Петербургский университет
18	Дьяченко Николай Николаевич	Санкт-Петербургский университет
19	Жуковский Владимир Григорьевич	Санкт-Петербургский университет
20	Кристи Христофор Петрович	Санкт-Петербургский университет
21	Некрасов Владимир Иванович	Санкт-Петербургский университет

Анализ этих списков со всей очевидностью доказывает, что большинство молодых сотрудников МИД в то время составляли выпускники Санкт-Петербургского университета и его Восточного факультета.

Несмотря на то что с 1832 г. в структуре Министерства иностранных дел существовало Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, большого количества профессиональных кадров оно не подготовило. В дальнейшем туда могли поступать выпускники ФВЯ Петербургского университета, а также Лазаревского института. В учебном заведении помимо восточных языков обучали европейским языкам, истории, географии, нумизматике, мусульманскому праву и другим дисциплинам. Однако это отделение испытывало трудности из-за недостатка финансирования и нехватки преподавательского состава. Следует добавить, что для будущих дипломатов Отделение восточных языков не было привлекательным, поскольку не давало дополнительных привилегий перед выпускниками, например, Петербургского университета при поступлении на службу в МИД, а лишь продлеvalo обучение на два-три года.

Таким образом, наиболее подходящими для службы в Китае оказывались выпускники Факультета восточных языков. Важно и то, что, привыкшие скрупулезно изучать язык и страноведческие дисциплины в стенах университета, они активно продолжали совершенствовать свои знания и навыки, поступив на дипломатическую службу.

Следует отметить, что Министерство иностранных дел уделяло внимание проблеме языковой подготовки будущих дипломатов-дальневосточников непосредственно в Китае. Еще первый руководитель российской дипломатической миссии министр-резидент Л. Ф. Баллюзек в 1861 г. написал письмо директору Азиатского департамента Н. П. Игнатьеву о необходимости отправки молодых людей с университетским образованием в Китай для изучения китайского языка [18, с. 160]. По-

степенно в штате Пекинской дипломатической миссии стали появляться студенты, изучавшие китайский и маньчжурский языки (а по желанию также монгольский и тибетский) и привлекаемые к канцелярской работе в миссии. В связи с этим неожиданным появлением новых лиц в дипломатической миссии иногда возникали казусы. Например, 10 апреля 1864 г. из Кяхты пришло письмо о том, что некий Оларовский, называя себя студентом посольства в Пекине, просил отправить его в Китай. Пограничный комиссар Е. В. Пфаффиус сообщал из Кяхты, что, не имея сведений о наличии должности студента в посольстве, был вынужден задержать А. Э. Оларовского до соответствующей директивы. Через неделю было получено разрешение, и студент смог отправиться в Пекин. В дальнейшем А. Э. Оларовский (1830–1910) стал известным дипломатом, служил секретарем и драгоманом российских консульств в Тяньцзине, Хакодате и Нагасаки, генеральным консулом в Сан-Франциско, а затем в Нью-Йорке. В 1897 г. Оларовский был назначен первым генеральным консулом России в Сиаме, а в следующем году стал первым российским послом в этой стране (1898–1907 гг.).

Уровень профессиональной и языковой подготовки дипломатов-китаистов, безусловно, повышался и совершенствовался во время их командировок и длительного пребывания в Китае. Неотъемлемой частью их работы становились поездки по стране и другие путешествия, способствовавшие осмыслению в дороге всего увиденного и услышанного. По сохранившимся материалам можно реконструировать многое из того, что происходило с дипломатом в дороге и, как следствие, влияло на его профессиональное формирование, о чем, например, свидетельствуют дневники и письма Г. А. Плансона [III, лл. 5 — 5 об., 8].

Заключение

На рубеже XIX и XX вв. в административно-бюрократической системе российского внешнеполитического ведомства отчетливо прослеживались такие негативные черты, как медлительность и неповоротливость бюрократического аппарата, жесткая централизация и безынициативность чиновничества на местах. Несмотря на это, многие дипломаты — профессиональные востоковеды, работавшие в Китае и хорошо изучившие страну, проявляли инициативу в решении многих вопросов, правильно анализировали складывавшуюся ситуацию, прогнозировали развитие политических событий, занимались научной работой, переводили на русский язык социально-политические, исторические, религиозно-философские и другие труды. Для этих дипломатов практическое и научное востоковедение были неразрывно связаны. Современные китайские ученые также подчеркивают профессионализм российских дипломатов-китаеведов, особенно тех, кто получил специальное востоковедное образование [19; 20].

Дипломаты-китаисты не только осуществляли на практике задачи Министерства иностранных дел Российской империи, но и становились лицом нашей страны в Китае, что во многом определяло отношение к России со стороны местных жителей и сотрудников других дипломатических учреждений. Их владение китайским языком, знание китайских реалий и уважительное отношение к истории и обычаям страны пребывания способствовали формированию позитивного образа нашей страны в Китае.

Архивные источники

- I. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 340 (Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Личный фонд И. Я. Коростовца). Оп. 839. Д. 3 (Коростовец, Мемуары. «Доброе старое время»). Л. 56.
- II. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 818. Оп. 1. Д. 11.
- III. ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 252.

Литература

1. Старовойтова Е. О. Русско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность русского посланника в Пекине А. П. Кассини // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 137–146.
2. Самойлов Н. А. Иван Яковлевич Коростовец — российский дипломат и знаток Китая // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 596–609. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.304>
3. Харитоновна А. М. Китай в судьбе семьи Гирс // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 41–45. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.973>
4. Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета Университета. СПб.: в тип. В. Безобразова, 1870. 432 с.
5. Сравнение Факультета восточных языков С.-Петербургского университета с Парижским училищем восточных языков // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Т. LXXXVIII (ноябрь). Отд. 7. С. 55–57.
6. Материалы для истории Факультета восточных языков. Т. 1: 1851–1864 гг. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 541 с.
7. Харитоновна А. М. Российский дипломат Георгий Антонович Плансон (1859–19?) // Клио. 2017. № 11 (131). С. 169–176.
8. Старовойтова Е. О. Дипломатическое агентство Российской империи в Мукдене в 1901–1904 гг. и деятельность дипломата С. А. Колоколова // Проблемы Дальнего Востока. 2023. Вып. 2. С. 122–133. <https://doi.org/10.31857/S013128120025324-7>
9. Шаронова В. Г. Малоизвестные сведения о деятельности консула А. Т. Бельченко в Инкоу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 3. С. 440–458. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.301>
10. Д. Д. Покотилов [Некролог] // Нива. 1908. № 11. С. 216.
11. Котвич В. Л. Памяти Д. Д. Покотилова // Торгово-промышленная газета. 1908. № 48 (28 февр.).
12. Хохлов А. Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 36–54.
13. Витте С. Ю. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1960. 639 с.
14. Самойлов Н. А. Российский посланник в Пекине П. М. Лессар накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Япония: цивилизация, культура, язык. СПб.: Art-xpress, 2022. С. 608–620.
15. Шаронова В. Г. Вклад Генерального консула Российской империи в Пекине Н. Ф. Колесова в укрепление русско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 449–463.
16. Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата / пер. с англ. Н. Ю. Абрикосовой, Е. Ю. Дорман; предисл., науч. ред. и коммент. М. Ю. Сорокиной; вступ. ст. Д. Макдоналда. М.: Русский путь, 2008. 575 с.
17. Бужков А. М. Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Восточного института. 1995. № 2. С. 18–24.
18. Хохлов А. Н. Стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине: судьбы людей и научных трудов // Страны и народы Востока. Вып. 31. Кн. 6. СПб.: Наука, 2002. С. 159–181.
19. 胡李忠, 金光耀, 陈济时. 从尼布楚条约到叶利钦访华 — 中俄中苏关系300年. 福州: 福建人民出版社, 1994. [Ху Личжун, Цзинь Гуанъяо, Чэнь Цзиши. От Нерчинского договора до визита Ельцина в Китай: 300 лет китайско-русских и китайско-советских отношений. Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1994.] 443 с.

20. 阎国栋。俄国汉学史（迄于1917年）。北京：人民出版社。2006。[*Янь Годун. История российского китаеведения (до 1917 г.). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006.*] 731 с.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2023 г.,
рекомендована к печати 27 мая 2024 г.

Контактная информация:

Самойлов Николай Анатольевич — д-р ист. наук, проф.;
<https://orcid.org/0000-0003-1361-0847>, n.samoylov@spbu.ru

Харитоновна Анна Михайловна — ассистент;
<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>, a.kharitonova@spbu.ru

**Russian Diplomats-Sinologists at the Turn of the 20th Century:
Training, Qualifications and Personnel Policy of the Ministry of Foreign Affairs***

N. A. Samoylov. A. M. Kharitonova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Samoylov N. A., Kharitonova A. M. Russian Diplomats-Sinologists at the Turn of the 20th Century: Training, Qualifications and Personnel Policy of the Ministry of Foreign Affairs. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2024, vol. 16, issue 3, pp. 518–531.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.301> (In Russian)

The article studies activities of Russian diplomats-sinologists in the Qing Empire and the Republic of China at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. The main emphasis is given to the level of their qualifications, the specifics of training and those educational institutions of the Russian Empire that trained the required personnel. The issues related to the personnel policy of the Russian Ministry of Foreign Affairs and the system of selecting qualified orientologists who could speak Chinese and other Oriental languages to work in Asian countries are examined separately. The study of the environment in which diplomats were educated and trained in the Russian Empire is also an important task within the framework of the stated research topic. Analyzing the system of education and training of diplomats in the Russian Empire makes it possible to identify the attitudes with which young diplomats entered the service and in accordance with which they improved their professional skills. During that period, the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg University, founded in 1854 by decree of Emperor Nicholas I, became the most important educational center for training highly qualified sinologists where young people not only mastered the Chinese language but also studied hard the history, literature, culture, religions and the current situation of the Qing China. The merit of the Faculty staff is that they trained both future scholars and practical sinologists, including future employees of Russian diplomatic institutions in China. The article provides examples of the routes by which the formation of highly skilled Russian diplomats for China took place, and therefore they played an important role in the development of Russian-Chinese relations.

Keywords: Russian-Chinese relations, Ministry of Foreign Affairs, diplomats-sinologists, Qing Empire, St. Petersburg University, Faculty of Oriental Languages.

References

1. Starovoytova E. O. Sino-Russian Relations in 1891–1896 and the Activities of the Russian Envoy in Beijing A. P. Cassini. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016, no. 6, pp. 137–146. (In Russian)

* This research was funded by the Russian Science Foundation project no. 22-28-00858 “Russian diplomats in China (second half of the 19th — early 20th centuries): Political and socio-cultural dimensions”, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>.

2. Samoylov N. A. Ivan Korostovetz — Russian Diplomat and Expert on China. *Modern History of Russia*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 596–609. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.304> (In Russian)
3. Kharitonova A. M. The role of China in the fate of the Girs family. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2023, vol. 45, no. 8, pp. 41–45. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.973> (In Russian)
4. Grigoriev V. V. *Imperial St. Petersburg University during the First Fifty Years of its Existence. Historical Note compiled on behalf of the University Council*. St. Petersburg, 1870. 432 p. (In Russian)
5. Comparison of the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University with the Paris School of Oriental Languages. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1855, Vol. LXXXVIII, November, part 7, pp. 55–57. (In Russian)
6. *Materials for the History of the Faculty of Oriental Languages*. Vol. 1. 1851–1864. St. Petersburg, 1905. 541 p. (In Russian)
7. Kharitonova A. M. Russian diplomat Georgy Antonovich Planson (1859–19?). *Klio*, 2017, no. 11 (131), pp. 169–176. (In Russian)
8. Starovoytova E. O. Diplomatic Agency of the Russian Empire in Mukden in 1901–1904 and Activities of the Diplomat S. A. Kolokolov. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2023, no. 2, pp. 122–133. <https://doi.org/10.31857/S013128120025324-7> (In Russian)
9. Sharonova V. G. Little-known Facts about the Activities of Consul A. T. Belchenko in Yingkou. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 3, pp. 440–458. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.302> (In Russian)
10. D. D. Pokotilov [Obituary]. *Niva*, 1908, no. 11, p. 216. (In Russian)
11. Kotvich V. L. In memory of D. D. Pokotilov. *Torgovo-promyshlennaiia gazeta*, 1908, no. 48 (February 28). (In Russian)
12. Khokhlov A. N. Dmitry Dmitrievich Pokotilov. *Voprosy istorii*, 2011, no. 5, pp. 36–54. (In Russian)
13. Witte S. Yu. *Memoirs*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Sotsekiz Publ., 1960. 639 p. (In Russian)
14. Samoylov N. A. Russian Envoy in Beijing P. M. Lessard on the Eve and during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Iaponia: tsivilizatsiia, kul'tura, iazyk*. St. Petersburg, Art-xpress Publ., 2022, pp. 608–620. (In Russian)
15. Sharonova V. G. The Contribution of the Consul General of the Russian Empire in Peking N. F. Kolesov in the strengthening Russian-Chinese relations in the late 19th — early 20th centuries. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorii i sovremennost'*, 2021, vol. 26, no. 26, pp. 449–463. (In Russian)
16. Abrikosov D. I. *The Fate of the Russian Diplomat*. Transl. from English by N. Yu. Abrikosova, E. Yu. Dorman; preface, ed. and comment. by M. Yu. Sorokina; introd. art. by D. McDonald. Moscow, Russkii put' Publ., 2008. (In Russian)
17. Buyakov A. M. Russian Orientalists at the Fronts of Russia-Japanese War (1904–1905). *Izvestiia Vostochnogo instituta*, 1995, no. 2, pp. 18–24. (In Russian)
18. Khokhlov A. N. Students at the Russian Diplomatic Mission in Beijing: The Fate of People and Scholarly Works. *Strany i narody Vostoka*. Issue 31. Book 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 159–181. (In Russian)
19. Hu Lizhong, Jin Yao, Shen Jishi. *From the Nerchinsk Treaty to Yeltsin's Visit to China: 300 Years of Sino-Russian and Sino-Soviet Relations*. Fuzhou, Fujian renmin chubanshe Publ., 1994. 433 p. (In Chinese)
20. Yan Guodong. *History of Russian Sinology (before 1917)*. Beijing, Renmin chubanshe Publ., 2006. 731 p. (In Chinese)

Received: December 5, 2023

Accepted: May 27, 2024

Authors' information:

Nikolay A. Samoylov — Dr. Sci. in History, Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-1361-0847>, n.samoylov@spbu.ru
Anna M. Kharitonova — Assistant;
<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>, a.kharitonova@spbu.ru